

Н. В. Полякова

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛЕСА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЕЛЬКУПСКОГО ЭТНОСА¹

Анализируется объективация леса на материале диалектов селькупского языка. Описывается роль и место леса в языковой картине мира селькупского этноса, выделяются релевантные признаки леса. На основе анализа фольклорных произведений селькупов выявляется обыденное и мифопоэтическое восприятие леса представителями селькупского этноса. Рассматривается роль и функции деревьев в культуре и языке селькупов. На основе анализа лингвистического материала и результатов ассоциативного эксперимента выявляются и описываются деревья, обладающие наибольшей культурной ценностью для селькупского этноса.

Ключевые слова: селькупский язык, языковая картина мира, объективация, лес.

Имена существительные, обозначающие различные объекты земного пространства, представляют собой один из наиболее древних и устойчивых пластов словарного состава языка, отражают освоение человеком реального мира. Наибольшая детализация денотативной сферы в селькупском языке характерна для леса и водных объектов [1]. Подобная детализация свидетельствует о том, что в данном сегменте сознания у представителей селькупского этноса задействовано большое количество когнитивных классификаторов, именно поэтому лес и водные объекты выступают для селькупов в качестве фокусных точек, ориентиров в окружающем пространстве.

По данным Г. И. Пелих, «для селькупа понятие „тайга“ неоднозначно. Одно дело – тайга, которая растет на территории его понтыр (или мекты), т. е. на спине его тотемной матери-земли. Совсем другое дело – дальняя общая тайга – масу. Тайга рядом с домом – šöt». Противопоставление данных существительных основывается на степени близости/удаленности от поселения: šöt – это ближняя тайга, где расположены родовые охотничьи угодья селькупов, а масу – дальняя тайга [2, с. 63–64].

В селькупском языке существует много слов, обозначающих лес: «Существительные масу – šöt – тоҥ – säqas (säqqu) означают „лес“, причем каждое слово по-своему варьирует эту семантическую доминанту:

(таз.) масу ‘яр с лесом, высокое место у реки, поросшее лесом, или просто лес’; тоҥ ‘тайга’; säqas (säqqu) ‘чаща, чернолесье, густолесье» [3, с. 34];

(кет.) kura ‘смешанный лес’;

(кет.) kwärbi, (таз.) qək (qəq) ‘бор’;

(таз.) qäny ‘березовый лес, березняк’;

(таз.) qäşy ‘густой березняк’;

СтС tumpar ‘бор’: wes pōm pad’algu, tumpar halaŋ ezenžəŋ ‘(если) все деревья срубить, бор голым будет’;

УО tunbari ‘бор’: kwəgazaj tunbari ‘сосновый бор’;

Нап. karge ‘болотистый лес; редкий лес; хвойный лес’;

Ласк. maž ‘тайга; хвойная тайга’;

СтС, Ив. mad, УО mat’i ‘тайга; лес; хвойный лес’;

об. Ш, Ч, вас. šöt ‘лес; черный лес, растущий у реки; лес вокруг чума; тайга’ [4];

(таз.) Macyn qanty tüptäqynty säquŋ esykka ‘По мере приближения к лесу становилось темнее’. Macyt poruqyt šipa tīmpa ‘Над лесом утка летит’ [3, с. 316]. Šötqit qwāmba, qwāmba, a nat’at čobir eppa. ‘В тайге ходил, ходил, а там ягоды были’ [5, с. 13]. Ugon ir wargimba mad’et pužoyit matur. ‘Давным-давно жил в чаще леса богатырь’. Tab tošpiya mad’et pužoute miyenit i orred’iga nika. ‘Он шел через лес сюда к нам и исчез’ [6, с. 17].

Частота употребления слов, обозначающих лес, различна. Существительное масу занимает 66-е место по употребляемости в корпусе, его частотность равна 16, а существительное šöt – 12-е место с частотностью употребления 70 [7, с. 123, 138].

Обобщающие названия для сообществ однородных деревьев селькупы образуют с помощью суффикса собирательной множественности – džak/žak: tjdžak – кедрач, kwänžak – березняк и т. д.

Как показывает анализ языкового материала, при объективации леса в селькупском языке вербализуются следующие признаки: место произрастания (у реки); близость или отдаленность (от поселения); противопоставление чернолесья березовому лесу, базирующееся на сакральной роли березы в селькупской культуре.

Анализ фольклорных произведений позволяет выделить профанное и мифопоэтическое восприятие леса у селькупов.

Профанное восприятие леса, зафиксированное в фольклорных и бытовых текстах, связано с объ-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ. Проект № 13-14-70001а/Т «Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира и ее отражение в самодийских, германских и русском языках».

ективацией леса как кладовой ягод, ореха; места обитания диких зверей, представляющих промысловый интерес для селькупов.

Мифопоэтическое восприятие леса объективируется в представлениях о лесе как о месте обитания сверхъестественных существ. В сказке *Pēge qut tarēdjik azimba* 'Рябчик человеком стал' именно лес становится местом встречи старика, у которого не было детей, с рябчиком, ставшем впоследствии старику сыном: *Arat mad'ond qwāza* 'Старик в лес ходил'. *Okkīr bār čaža, qonžirnit, pēge āmda* 'Однажды идет, увидел – рябчик сидит'. *Tab kīgimba tūlseze taččigu* 'Он хотел из ружья выстрелить'. *Na pēge qut tarēdjik ēžaldwa*: „*Mašep ik tačkl'el! Mat it tat t'eka ēnžak. Qwand'el mašep mātqend!*“ 'Вот рябчик человеческим голосом говорит: «Не стреляй в меня. Я тебе сыном буду. Унеси меня домой!»' [5, с. 41].

О мифопоэтическом восприятии леса в данном фольклорном произведении свидетельствует наличие у рябчика способности «говорить человеческим голосом», возникновение родственных отношений птицы и человека, а также обладание рябчиком другими сверхъестественными способностями. Аналогичными свойствами наделяются и другие животные [8].

В диалектах селькупского языка представлен ряд лексем, эксплицитно или имплицитно обозначающих других сверхъестественных существ – духов [9, с. 87].

Семантический этимон *qura* обусловил лексический ряд, отражающий реалии таежной культуры с охотоведческим компонентом: ел. *qora* 'густой (лес)': *motqij qora s'eqiqin* 'внутри густого леса'; тур. *qoral qur* 'охотник', *qoraqo* 'ездить туда-сюда (бродить духу)', 'охотиться'. Действие духа проявляется в лексеме тур. *qurmiqo* 'смертельно ранить'. Эвфемизмом, употребляемым вместо имени духа-хозяина леса, является об. *C qurgum* 'сердитый, злой (букв. лесной дух-человек)'; кет. *madenaja* 'лесная хозяйка', 'лешачка'; тым. *mad'elkup* 'лесная женщина, лешачка' [10, с. 44].

Лексема об. Ч *maž* входит в состав топонимов: об. Ч *mažil ki* «Гора лесных духов», ср. тым. *mažal* «обрывистый»; *mažal qinil* «обрывистый яр»; кет. *mažil' lozi*, тым. *mažogol lo* «лесной дух», «лесной чёрт»; тым. *mad'el kup* «лесная чертовка», «кикимора» [4, с. 121–122]. Первый компонент словосочетания связан с наименованием артефакта «лес», «тайга», «бор» – кет. *mat't'i*, об. С, Ш *mad'*, об. Ч *maž*; об. Ш *madinpar*, тым. *mačitpar* «бор», а также выступает обозначением понятия «лесной дух». В селькупских диалектах имеется несколько наименований «лесного духа». Так, в кетском диалекте таким наименованием является *masu*. «Лесной

дух» воплощён в образе кедра *masu ~ massum*, данная лексема имеет также значение «лозы ворожейские» (деревянные идолы, используемые при гадаании). В среднеобских говорах Чумылькуп таким наименованием является *mašša ~ maša*. «Лесной дух» воплощён в образе горы–тайги. Корреляция гора–тайга–бор имеет под собой логическую базу, поскольку гора и бор ассоциативно предполагают одно другое. С одной стороны, *maž* имеет значение 'лес', с другой стороны – 'обрыв', ср. также тур. *mat'ti* 'обрыв'.

Духи населяют тайгу *mat't'i ~ mad' ~ mač~ mačči ~ maž*. Слово входит составляющим компонентом в сложные номинативные единицы: *Nälmač* – пос. Нельмач (букв. девственный лес – дремучий, поросший деревьями-великанами); *Pingari mat't'i* 'мыс шаманского бубна' – устная форма ойконима на р. Кеть, ныне Урлюково, *Maqsir mat't'a* – пос. Максимкин Яр также расположен на р. Кеть. Лексема *mačči* имеет значение 'место': (таз.) *porol mačči* 'священное место', ср. *pore* 'женский амбарчик для духов'. К периферии следует отнести опушку леса, локализацию жилища, которым «отведено» место внизу. Верхний ярус жизненного пространства, приближенный к небу, доступен человеку, находится в сфере его достигаемости. Но в то же время его особый статус сохраняется, что нашло выражение в словах типа *mad'par ~ mad'itpar* 'тайга, бор'.

В этнографических и фольклорных источниках по селькупскому языку зафиксировано множество свидетельств особого отношения к отдельно стоящим деревьям, выделяющимся среди прочих своей древностью, формой или месторасположением. Если деревья погибают, то память о них надолго сохраняют жители, даже покинувшие родные края.

Особое отношение к некоторым деревьям в селькупской культуре может быть объяснено тем фактом, что дерево может выступать в качестве модели вселенной. Ср. в этой связи точку зрения Т. В. Жаковой: «Дерево вступает в определенные отношения с хтоническим миром (ползающие пресмыкающиеся проникают в его корни, а птицы строят гнезда на его ветвях). Кроме того, дерево соединяет в себе все Первоэлементы Вселенной: вода циркулирует вместе с его соком, земля связана с его стволом через корни, воздух питает листву, а огонь добывают путем трения древесины. Корни дерева погружены в почву, а ветви поднимаются к небу, именно поэтому его считают синонимом Мировой Оси, и оно является дорогой вверх (шаманские столбы в Сибири; путь духов или путь в хижину, где есть солнце; центральный столб, являющийся опорой в храме или доме согласно иудейско-христианской традиции; позвоночник, удерживающий человеческое тело в вертикальном

положении – храм души). Солнечный свет, питающий листья, и земные воды, питающие корни, – все это соединяется во плоти деревьев, рожденных от брака земли и неба» [11, с. 141–142].

По мнению Т. В. Цивьян, «в каждой традиции выделяется одно или несколько репрезентативных растений. Они как бы аккумулируют и основные функции, и основные атрибуты, и основные сюжеты и мотивы, переходя, таким образом, границы своего кода, и обязательно формируют особый круг текстов» [12, с. 46].

Символизм дерева проходит через верования и традиции многих народов: дуб у кельтов, липа у германцев, ясень у скандинавов, оливковое дерево у мусульман, лиственница и береза у народов Сибири [11, с. 142]. Береза, например, выделяется ослепительной белизной, а насечки на ее стволе символизируют этапы шаманского вознесения богов, духов и душ, осуществляя, таким образом, связь между небом и землей (верхом и низом) [8].

В селькупской мифологии также уделяется много внимания мировому дереву. Оно именуется «дару (дари)» и «растет из дома матери-земли. Корни мирового дерева достигают шестого огненного яруса подземного царства. Огонь питает мировое дерево, и на его ветвях вместо плодов вырастают огненные шары – солнца. Каждое утро одно из солнц срывается с ветки и катится по небосклону с востока на запад, а затем попадает в огненный мир. Ствол невидимого и неосязаемого для человека мирового дерева пронизывает все земные, подземные и небесные миры. Вершина его упирается в Полярную звезду. Мировое дерево – центральная ось, на которой держатся все ярусы подземных и небесных миров» [2, с. 24].

Следует отметить, что в нганасанском языке нет слова «лес», в этом значении употребляется множественное число от слова мунку ‘растущее дерево’, в отличие от срубленного хба – обозначает также ‘дрова’. Аналогичное использование формы множественного числа от слова ра ‘дерево’ отмечается и в камасинском [Donner 1944: 195, цит по: 13, с. 15].

А. А. Потеня, анализируя этимологию слова «старость», отмечает, что архаическое сознание связывало старость в жизненном цикле человека с образом стоячего, прочного дерева. Так, слово «старый» образовано от основы *сma-* и имеет индоевропейские соответствия: лит. *storas* – толстый, сильный, крепкий; др.-исл. *storr-* – большой; др.-инд. *sthiras* – крепкий. Данный пример служит показателем приема мысли измерять время пространственными мерками, т. е. в образе высоты дерева видеть протяжение времени [14, с. 147].

Результаты проведенного автором ассоциативного эксперимента демонстрируют различное вос-

приятие дерева. На стимул **рб** были зафиксированы следующие реакции информантов, активно владеющих селькупским языком: *pōla* ‘дрова’, *pōt mažigu* ‘резать дрова’, *čobjr* ‘ягода’, *fešk* ‘орехи’, *tiđjk* ‘кедр’, *pi* ‘осина’, *qwē* ‘сосна’.

Подтверждением языкового материала и результатов ассоциативного эксперимента являются высказывания нескольких селькупов в отношении стимула **рб/дерево**: «Любое дерево для меня, это, прежде всего, дрова» (И. А. Коробейникова), «Когда я слышу слово „дерево“, то я в первую очередь почему-то представляю дрова» (В. П. Тагаева).

Н. А. Тучкова приводит данные о роли и функциях различных деревьев в жизни селькупов. «У кедра существует прочная связь не просто с миром духов, но конкретно с миром мертвых. Из кедра раньше долбили гроб-колоду для умершего, в котором тот „спускался“ вниз по течению обитаемой реки в мир мертвых. Жилище человека никогда не устраивали в кедраче, тем более нельзя, чтобы кедр рос непосредственно вблизи дома» [8].

В сказках нарымских селькупов прослеживается связь кедра с нечистой силой: *Kušak qwāzj, qwāzj, tömba natt'at, okkjr tiđjk āmdj. Na kibajče tiđjt parond nat'idēli sǰilba i tiđjyn āmda wes' pet. Lōzla tömbat i kozjčle kwattalžat*. ‘Сколько-то ходил, ходил, пришел туда, где один кедр рос. Мальчик на кедр туда залез и на кедре сидит всю ночь. Черти пришли и начали играть в карты’ [5, с. 13]. В фольклорных текстах северных селькупов образ кедра является непременным атрибутом мира мертвых: «...это обычно или тундра, окаймленная кедром, или мыс, поросший кедровой рощей» [8, с. 115].

Представительница селькупского этноса Т. К. Кудряшова оценивает свои отношения с разными породами деревьев следующим образом: «Сосна вызывает у меня радость, ощущение света, поклонение. Кедр – торжество великой смерти. Осина – вдовья печаль, и вместе с тем, вдовья обязанность сохранить детей. Поэтому осина не дает силы другим, а, наоборот, забирает силу себе». По мнению И. А. Коробейниковой, «тополь – двуличное дерево. Он со временем перерождается. От тополя все болезни».

Любое жертвенное дерево у селькупов служило своеобразным связующим звеном между средним и верхним мирами и олицетворяло одно из жертвенных деревьев верхнего мира – *sel'či kassyl' po* «семь жертвенных деревьев». Три из небесных деревьев принадлежали «роду Орла» (букв. «Орловой половине»), три – «роду Кедровки» (букв. «Кедровой половине»), а одно, седьмое (береза), было общим. К этим деревьям приносили жертвы соответствующие роды селькупов, а к общему дереву – все селькупское племя [8].

Среди селькупов, не владеющих и пассивно владеющих селькупским языком, были зафиксированы такие ассоциации, как *топливо, жизнь, пища, лекарство, осина, кедр, сосна, тополь, красота*.

Дерево значит в жизни селькупов очень много, так как оно дает им топливо, обеспечивает орехами и ягодами, лекарствами, подпитывает их энергией; поэтому некоторые информанты суммировали значение дерева в своей жизни реакцией «дерево – это *жизнь*».

В каждой культуре имеются породы деревьев, являющиеся наиболее значимыми для представителей данного этноса, а также породы деревьев,

пользующиеся дурной репутацией у этноса. Однако причины культурной ценности того или иного дерева существенно различаются. Для селькупов наиболее значимы береза и кедр как символы жизни и смерти, принадлежащие разным мирам: береза – миру богов, кедр – миру мертвых.

Обозначения леса в селькупском языке содержат сведения не только о составе деревьев, но и данные о расположении других пространственных ориентиров – дома и водных объектов. Анализ лингвистического материала свидетельствует об особой роли леса в языковой картине мира селькупского этноса.

Список сокращений

Вас.– васюганский диалект; ел.– елогуйский говор; Ив. – Иванкино; кет.– кетский диалект; Лас.– Ласкино; Нап.– Напас; об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ш – обские говоры Шёшкун и Шёшкуп; об. Ч – обские говоры Чумьлькуп; СтС – Старо-Сондрово; таз.– тазовский диалект; тур.– туруханский говор; тым.– тымский диалект; УО – Усть-Озерное; Фарк.– Фарково; чаин.– чаинский диалект.

Список литературы

1. Полякова Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса // Томский журн. лингв. и антроп. иссл-ий (Tomsk Journal of Linguistics & Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 29–33.
2. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1998. 80 с.
3. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.
4. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
5. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык / записи, пер., коммент. В. В. Быконя, А. А. Ким и др. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1996. 187 с.
6. Байдак А. В., Максимова Н. П. Дидактизация оригинального текста: селькупский язык: учеб.-метод. комплект к учебному модулю. Томск: Изд-во ОГУ «Региональный центр развития образования», 2002. 35 с.
7. Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект М.: Изд-во МГУ, 2002. Т. 3. 220 с.
8. Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.
9. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
10. Быконя В. В. Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк). Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. 236 с.
11. Жакова Т. Е. Мифологемы неба и земли (верха и низа) в германских языках (на индоевропейском фоне): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 189 с.
12. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.
13. Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 322 с.
14. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 11.09.2014.

N. V. Polyakova

OBJECTIVIZATION OF FOREST IN THE WORLDVIEW OF SELKUPS

The article involves analysis of forest categorization based on the dialect material of the Selkup language. The paper considers the role of the forest in the worldview of Selkup ethnic group and relevant forest characteristics. Everyday and mythopoetic perception of forest by the representatives of Selkup peoples is represented on the basis of folklore analysis and native literature. The role and function of trees in the Selkup culture and language are examined and observed in the article. On the basis of linguistic material analysis and results of association experiment trees having the most cultural value for the Selkup peoples are defined and described.

Key words: *the Selkup language, language worldview, objectivization, water.*

References

1. Polyakova N. V. Objectivization of river in the linguistic worldview of Selkup ethnos. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 2 (4), pp. 29–33 (in Russian).
2. Pelikh G. I. *Selkups mythology*. Tomsk: Publishing house of sci-tech literature, 1998. 80 p. (in Russian).
3. Kuznetsova A. I., Helimskiy A. E., Grushkina E. V. *Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect*. Moscow, MGU Publ., 1980. Vol. 1. 412 p. (in Russian).
4. *Selkup and Russian dialect dictionary*. Under the editorship of professor V. V. Bykonya. Tomsk, TGPU Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
5. *Fairy tales of selkup natives of the Narymsk region: book for reading in the Selkup language with the Russian translation*. Records, translation, comments of V. V. Bykonya, A. A. Kim etc. Tomsk, TGPU Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
6. Baidak A. V., Maksimova N. P. *Didactization of original text: the Selkup language: academic package to educational module*. Tomsk: Publishinghouse OGU "Regional Centre of Education Development", 2002. 35 p. (in Russian).
7. Kazakevich O. A., Kuznetsova A. I., Helimski E. A. *Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect*. Moscow, MGU Publ., 2002. Vol. 3. 220 p. (in Russian).
8. *Selkup mythology*. Scientific editor V. V. Napolskih. Tomsk, TGU Publ., 2004. 382 p. (in Russian).
9. Polyakova N. V. "Sacred places" in the worldview of the Selkups. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
10. Bykonya V. V. *Selkups: language and culture (ethnolinguistic essay)*. Tomsk, TGPU Publ., 2011. 236 p. (in Russian).
11. Zhakova T. E. *Mythologems of sky and land in the Germanic languages (based on the Indo-European background)*. Dis. cand. philol. sci. Moscow, 2001. 189 p. (in Russian).
12. Tsvyvan T. V. *Linguistic basis of Balkan world model*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 203 p. (in Russian).
13. Tereschenko N. M. *The Nganasan language*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 322 p. (in Russian).
14. Potebnya A. A. *Word and myth*. Moscow, Pravda Publ., 1989. 622 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com